

“...В зонкие, бледные дали Венецианских зеркал”.

Николай Гумилёв, “Венеция”

НАВЕРНЯКА вы помните драматический, но курьёзный фрагмент из комедии “Мимино” (1977) Георгия Данелии, где молоденькая девочка-адвокат зачитывает материалы экспертизы: “Люстра не из венецианского стекла, а изготовлена в Воронеже, в артели имени Кларты Цветкин и продаётся по розничной цене 37 рублей 46 копеек”, — и подсудимый Валико Мизандари испортил вовсе не ценный предмет, а качественную поделку, впрочем, таковой не являвшуюся — в артели имени фрау Кларты никто не объявлял, что остров Мурано переехал в град Воронеж. Далее воспоследовала перепалка, из которой мы узнаём, что потерпевшего Папишвили обманул родственник, подсунув изделие, купленное в магазине за смешные деньги.

К слову, в 1970–1980-х годах, когда началась гонка за произведениями искусства, артефактами, стариной, иконами, возникла и мода на венецианское стекло, а поскольку приобретать всё это могли боссы овощебаз да повелители ав-

проходящую в павильоне Эрмитаж дворцово-паркового комплекса Кусково. Обширная экспозиция даёт представление о разных почерках, линиях vetro artistico, и мы наконец-то понимаем, что венецианское (а если точнее — муранское) стекло — это не один вид, но сразу несколько вариантов и техник. Филигранный, миллефиори — миллион цветов, “перистое” и “льдистое” стекло, кракле — с эффектом треснутой поверхности, кристалло — это немногое из того, что предлагали умельцы из венецианского Мурано.

Ремесло стекла — это прежде всего знание химии, физики, минералогии, а уже вслед за тем — достижение вселен-

крытой корпорации, нежели чародейями. Краткий исторический экскурс позволяет в этом убедиться. Венецианское стекло известно ещё с VIII века, а гильдия стеклоделов появилась в 1224 году, и примерно тогда же Венеция сделала почти единственным поставщиком стеклянных изделий, а частично они стоили дороже золотой и тем паче серебряной посуды.

В эпоху Возрождения были сформулированы юридические тонкости, регулировавшие права и обязанности членов гильдии. Ремесленники и особенно руководители производств не имели права покидать город без разрешения. На тот случай, если им вздумается бе-

и тогда начиналась кровавая “поззия” в духе Ренессанса: “Если, несмотря на заключение в тюрьму его родственников, он будет упорствовать в желании остаться на чужбине, за ним будет отправлен агент, которому будет поручено убить его” и после доказательства, явно говорящих о смерти предателя, все его домашняды получали право на честное имя. Вместе с тем стеклоделы были, пожалуй, самыми высокооплачиваемыми ремесленниками Европы и владельцы столь пышных домов, что не всяк аристократ мог себе это позволить. Венецианская республика так круто наживалась на их тайных знаниях, что высокие оклады были не удивительны.

Кстати, о кораблях! Популярным мотивом у венецианских стекольщиков был именно парусник — один из романтических символов географических открытий. В экспозиции представлен сосуд в виде корабля, сделанный в XVII столетии. Подобные вещицы выпускались и в следующем веке, приводя в восторг заказчиков.

Однако потом наступил упадок, связанный с наполеоновским нашествием. Бонапарт подлейшим образом разграбил Италию, упразднил гильдии, убил традицию. Возрождение случилось через полвека, и оно было связано с именем Антонио Сальвиати — великодушного адвоката, оставившего юриспруденцию и посвятившего себя изучению ремёсел и искусств. Помимо стекла его интересовали фрески, живопись и мозаики, а в историю Сальвиати вошёл как видный мозаичист.

В середине XIX века с возникновением индустриально-массовых потоков и стандартизации, родился небывалый спрос на всякую уникальность, единственность той или иной вещи. Фирма Сальвиати совмещала новые способы изготовления со старинными рецептами, а на международных выставках фирма Salviati & C° брала первые призы.

Попервоначально Сальвиати выпускал чаши, кубки, сосуды, имевшие отсылку к Ренессансу и барокко. Он тщательно копировал прежние формы, скрупулёзно сидя над книгами и бродя по музеям. Затем ассортимент расширился — капризная и пресыщенная публика требовала следования современному вкусу, а он тогда менялся с ошеломляющей скоростью. На выставке можно увидеть ряд предметов из продукции Salviati & Co и копирующей с ней компании Fratelli Toso. Но вот и люстры, с которых началась наш рассказ! Ощущение, что это — или застывшие брызги разноцветных фонтанов, или дикие растения — настолько всё тонко, изящно, дерзко. Представленные образцы — вторая половина XIX столетия.

ПРЕДМЕТ особой гордости Венеции — зеркала. В эру Средневековья думали, что их поверхность — волшебной-магической, ибо отражения выказывали человека более красивым, чем он являлся. В XVI–XVII веках заполучить такой подарок могла отнюдь не каждая дама, и венецианское (на Руси его называли “венецкое”) зеркало считалось признаком невиданной роскоши. Экспозиция рассказывает о зеркалах! Правда, это уже поздние примеры, XIX век, но они оформлены в барочном духе. Несмотря на удешевление процесса, те зеркала всё равно были знаками расточительности и претенциозного шика. Порой нарочитого. “И после того золотые карнизы, венецианские зеркала с цветами и картины вроде той, что висела над роелем, а также рассуждения мужа и Кости об искусстве уже возбуждали в ней чувство скуки и досады, и порой даже ненависти”, — читаем в повести “Три года” Антона Чехова.

Отдельная витрина посвящена венецианскому стеклу 1930–1950-х годов: огромная чаша-ракушка в стиле ар-деко и лаконично модернистские вазы смотрятся так же дивно, как исторические шедевры. Эта витрина — напоминание о том, что есть непреодолимые ценности: не только небесные, высшие, но и земные. К таковым относится венецианское стекло. Всё это в интерьерах усадьбного павильона выглядит изысканно, эффектно и вполне логично. Сейчас мы уже не верим в колдовские чары венецианских стекольщиков, но определённое волшебство здесь всё-таки есть.

Галина ИВАНКИНА

Сосуд XVI в. и чаша XVII в. работы венецианских мастеров

тосервисов, то на чёрный рынок хлынули фальшивки или такие вот вполне легальные и дешёвые штуки, но блестящие, как барская радость. Особо ушлые продавцы антикварных магазинов бывали в теме, в доле, толкая разным Папишвили люстры с лейблом “имени Кларты Цветкин” под видом чуть ли не музейных редкостей.

ЧТОБЫ УВИДЕТЬ, как выглядит настоящая венецианское стекло и люстры из него, а ещё — зеркала, надо идти на выставку “Vetro artistico”,

ских гармоний. Потому среди всей этой красочно-полупрозрачной феерии наибольшее внимание привлекают самые невзрачные сосуды, производимые в Мурано для химических и алхимических (что чаще всего было одно и то же!) лабораторий. Эти предметы XVI века выглядят забавно и наряду с этим таинственно. Да, в те времена любая наука пугала не меньше магии, а венецианских мастеров считали сродни чернокнижникам.

При ближайшем рассмотрении они оказывались, скорее, дельцами из за-

жать, существовал специальный нормативно-правовой акт, приведённый на табличке полностью. Так, если мастер уехал без дозволения властей, он для начала обязывался вернуться. Приказ не возымел своего действия? Родственники беглеца заключались в тюрьму. “Если он повинется, прошлое ему будет прощено, и ему будет устроена мастерская в Венеции”, а родня выпущена на свободу — как видим, дожи были склонны прощать отступников. Бывало, что и это не служило мотивацией,

«МЫ ВДОХНОВЛЕННЫ...»

Говорит доцент Литературного института им. А.М. Горького Сергей АРУТЮНОВ

“ЗАВТРА”. Сергей Сергеевич, в нашей стране проводится множество литературных конкурсов, в том числе для молодых авторов, для детей и юношества. Чем похож и чем от них отличается конкурс “Лето Господне”, редактором которого вы являетесь, и какова его география?

Сергей АРУТЮНОВ. Этот конкурс, названный в честь Ивана Сергеевича Шмелёва, сейчас вступает уже во второе десятилетие своей истории, начавшейся в 2014 году. С идеей организовать его выступила Русская православная церковь, а сам замысел конкурса подразумевал, что в его орбиту будут включены участники не только из Российской Федерации, но также из-за рубежа, в том числе из Украины, Беларуси, Казахстана, других постсоветских республик — то есть, со всего Русского Мира.

Мы получаем работы практически отовсюду, где дети думают и пишут по-русски. Мы и раньше знали, что в новых российских регионах Донбасса — качественное гуманитарное образование, но доказательства этого тезиса лучше видеть собственными глазами. Дети там прекрасно подготовлены и, вдобавок, “рано повзрослели”, превосходно разбираясь в том, о чём пишут (не только о войне и мире). Приходят работы даже из стран “дальнего зарубежья” — например, из Австрии, где работает школа при российском посольстве.

Бессменный глава конкурсной комиссии — председатель Издательского совета Русской православной церкви, митрополит Калужский и Боровский Климент.

Главная задача нашего конкурса — выявление литературно одарённых детей, которые пишут работы на выбранную ими тему: или из списка предлагаемых организаторами конкурса, или на свою собственную. Подразумевается только, что свободная тема лежит в общем русле конкурса — удивления чуду бытия и вообще душевного движения навстречу жизни, а не против неё.

С 2014 года только одна тема остаётся у нас неизменной — евангельские начала русской литературы, — подразумевающая показ присутствия евангельского наследия в литературном наследии прошлого и современности. Она сопряжена с именем Ивана Шмелёва, посвятившего Православию и русскости всю свою жизнь. Остальные темы год от года варьируются.

Так, тема 800-летия святого благоверного князя Александра Невского была у нас не год, а два года подряд, и мы получили огромное количество работ, посвящённых святому князю Александру. Из них одних вполне можно, полагаю, сверстать целый том страниц на 650.

В нынешнем году было решено интенсифицировать сотрудничество с Дальним Востоком, и мы организовали специальные очные семинары и вебинары в рамках передовой книжной выставки “Радость слова”. Не могли предложить ничего лучшего, чем наследие Владимира Клавдиевича Арсеньева — и что же? Об Арсеньеве присылают свои работы дети не только с Дальнего Востока. Так, юноша, который никогда не был ни во Владивостоке, ни в Хабаровске, ни в Благовещенске, ни в Комсомольске-на-Амуре, ни на Сахалине, пишет

замечательную работу, где структурно разбирает знаковые для Арсеньева стилистические ходы, делает обоснованные выводы, тонко реконструирует мысль и внутреннее чувство писателя-путешественника. Не сомневаюсь в том, что этот юный автор уже как минимум будущий литературовед.

В число конкурсных тем постоянно включаются творчество наших писателей “деревенщиков”, а также писателей — лауреатов Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Общій же охват тем — наша история, литература, краеведение.

Никогда не забуду отзыв, который был опубликован одним из украинских изданий примерно в 2017 году: “Такие конкурсы, как “Русский медвежонок” или “Лето Господне” — это шупальца “Русского мира”, протянутые в самое сердце нашей страны”. Цитата, согласитесь, “от обратного” подчёркивающая тот факт, что наш конкурс особым образом формирует молодых людей в возрасте 13—17 лет, зовёт их ответственно размышлять и о себе, и о судьбе нашего Отечества, нашего народа, нашего языка.

“ЗАВТРА”. В каких жанрах чаще всего пишут конкурсанты “Лета Господня”, и как происходит процесс оценки их работ?

Сергей АРУТЮНОВ. Чаще всего поступают прозаические работы, хотя и поэтические тоже встречаются. В число работ конкурсного финала теперь относительно редко попадают сочинения реферативного плана, наполненные до отказа сухими данными: мы ищем в работах следы именно личного душевного труда, выражающегося в незаезженных метафорах и сравнениях.

Работы у нас принято рассматривать дважды — сначала грамотность и соответствие теме сверяет жюри педагогов, а второе жюри — это уже литераторы, писатели, оценивающие художественные достоинства присланных работ. И случается так, что сочинениями, не получающим достойных баллов у педагогов, литераторы за одну-единственную фразу могут дать самую высокую оценку.

“ЗАВТРА”. Каковы масштабы конкурса? Сколько работ ежегодно рассматривается в его рамках? Как изменялось их число с течением времени?

Сергей АРУТЮНОВ. При открытии конкурса в 2014 году, видимо, сказались и эффект новизны, и всплеск патристических настроений в российском обществе — тогда нам прислали больше 1600 работ, в следующие сезоны было от 1100 до 1200 работ, во время коронавирусных ограничений, когда детей посадили на дистанционное обучение, работ стало чуть меньше тысячи, но затем их стало вновь больше тысячи, и с 2021 года количество их снова растёт.

“ЗАВТРА”. Получается, за время существования конкурса через него прошло несколько тысяч участников? Понятно, что далеко не все они стали или станут писателями, литераторами, но даже десять тысяч читателей — это огромная культурная сила...

Сергей АРУТЮНОВ. Наша сила в том, что конкурс задаёт православные нравственные ориентиры. Наша главная задача — пробудить в детях любовь к русскому слову, истории и культуре. Уже семь лет я главный редактор конкурса, и с каждым годом всё сильнее убеждаюсь в том, что мы делаем нужное и важное дело, приносящее замечательные плоды.

“ЗАВТРА”. Каким образом проводится финал конкурса?

Сергей АРУТЮНОВ. Когда в Москву приезжают финалисты очередного сезона — это время, ради которого все мы работаем, лучший момент, объединяющий всех организаторов, святые для каждого из нас дни.

Обычно финалисты приезжали к нам в конце марта, во время школьных каникул, но сейчас мы подразделили приезд на две части: старшая группа (10—11-е классы), которой нужно готовиться к ЕГЭ, по-прежнему приезжает в конце марта, а младшая и средняя (6–7-е и 8–9-е классы) — на рубеже апреля и мая.

Над программой их пребывания в Москве работает месяц-полтора. Нам нужно, чтобы душа ребёнка открылась, расцвела, а для этого мало отвести его в “Москвариум”, где показать больших акул, черепах и крокодилов. Поэтому, например, в нынешнем году у нас было посещение Архангельского, где финалисты — они же дети ещё! — бежали друг за другом у древних седых протов, но потом увидели немецкие танки в музее Вадима Задорожного, и веселье немного стихло. Постояли и у самого непримечательного, казалось бы, экспоната — мотоцикла из украинского ещё Крыма, с “трезубом”. Описать выражение их лиц не берусь: некоторые наши дети из Донбасса, а те, что не из Донбасса, тоже не из космоса...

В прошлом году я вёл их по Царичино, до того — по литературной Москве. Те, часы, которые проводились с ними — особое состояние: и слушают с благодарностью, и спрашивают обо всём на свете. Представители “эффективного менеджмента” сказали бы, что дети “мотивированы”, но это не так — они воодушевлены, одухотворены, и быть частью этого воодушевления, одухотворения — дар и не напрасный, и не случайный.

“ЗАВТРА”. Из участников конкурса сколько отбирается в финал?

Сергей АРУТЮНОВ. Как правило, 36—38 человек. Порой приходится, экономя на всём остальном, приглашать в Москву на очный этап до сорока с лишним финалистов, и только потому, что их просто нельзя не пригласить — настолько очевиден их талант.

“ЗАВТРА”. Как сами конкурсанты воспринимают своё участие в финале?

Сергей АРУТЮНОВ. Быть в таком возрасте ответственным огромная ответственность перед собственным будущим. Никто, впрочем, не знает, а мы не стремимся к тому, чтобы каждый наш лауреат становился профессиональным литератором. Дело в тех самых ценностях, о кото-

рых так много говорят, но разговоры о них зачастую остаются разговорами.

Кстати, о ценностях сугубо материальных: стараемся, чтобы помимо грамот и наборов книг каждый участник получил нечто полезное. Уже не забудется, как одна из победительниц обрадовалась ноутбуку: в многодетной семье не у каждого ребёнка есть смартфон...

В завершение программы финалисты оказываются в Храме Христа Спасителя, либо в Белом, либо в Сергиевском зале, где владыка Климент напутствует их. На церемонии приезжают и другие архиереи, а в числе наших постоянных гостей — изумительный хор воспитанниц Волоколамского женского монастыря, безукоризненные московские кадеты под руководством одного из членов жюри, поэт и генеральный директор форума славянских искусств “Золотой Витязь” Александр Орлова. Церемонии награждения неизменно ведёт заместитель владыки Климента иеромонах Макарий (Комогоров), на котором лежит огромное множество конкурсных обязанностей. Отвечает за организацию и заочного, и очного этапов Елена Кульбоская.

Все эти люди призваны создать особенный внутренний климат открытости на все стороны света, ощущение торжества, остающееся с юными словесниками на всю жизнь. Когда развешаются, они уже ощущают себя друзьями, переписываются, и видеть это радостнее всего.

“ЗАВТРА”. Работаете ли вы с финалистами и лауреатами конкурса в дальнейшем?

Сергей АРУТЮНОВ. Конечно, работаем. При конкурсе образовался кружок финалистов и лауреатов, прошедших с нами не один сезон. Выросшие из конкурсного возраста авторы приходят к нам волонтерами, помогают работать с нынешними участниками конкурса. В 2022 году мы решили объединить их студией “Слово”, где проходят встречи с литераторами, журналистами и кинорежиссёрами. Гостями студии были поэт и кинодокументалист Олеся Шигина (она специально приехала из Донбасса, чтобы показать нам фильм об ополченцах), замечательный драматург, лауреат Патриаршей премии и мастер Литинститута Владимир Юрьевич Малиган, главный редактор газеты “Вечерняя Москва” Александр Иванович Куприянов и некоторые другие.

В 2023 году мы решили работать со всеми конкурсантами — даже с теми, кто не прошёл в финал. Так родилась наша литературная мастерская “Мартовская капель”, в которой участники конкурса учат литературному мастерству. Из шести наших мастеров пятеро закончили Литературный институт, а вот шестой мастер, поэт Игорь Виток — действительно системный стратег обучения юных писателей, поскольку в дополнение ко всему — настоящий ракетчик и программист. Занятия “Мартовской капели” идут по три-четыре часа, и никто не устаёт: дети жадно ловят слова Елены Нестеровой и Екатерины Ратниковой, Игоря Витока и Анастасии Черновой, Владимира Малигана и Александра Евсюкова не потому, что они открывают секреты, как хорошо заработать на писательстве, а как выныкнуть в себя и отправить фразу в полёт. Чтобы присутствовать на онлайн-занятиях, участники с Дальнего Востока встают в два или три часа ночи. Это ли не героизм? Но есть и цель: после занятий в “Мартовской капели” двое-трое самых одарённых студийцев зачисляются в число финалистов.

“ЗАВТРА”. Уважаемый Сергей Сергеевич! Благодарим вас за эту беседу, желаем продолжения ваших трудов во благо и процветания Русского Мира, новых участников и новых ярких произведений!

Беседовал Владимир ВИННИКОВ

СИМОНОВИЧ-НИКШИЧ

Настоящий хоругвеносец

Мы продолжаем презентацию проекта “Светочи”, размещённого на сайте zavtra.ru. Проект посвящён выдающимся деятелям отечественной науки, искусства и культуры, связанным с газетой “Завтра”.

РУБРИКА “Наши Светочи” в “Завтра” — это огромный список известных людей, сотрудничавших с нашей газетой. Когда я задал вопрос: “Есть ли в этом списке Л.Д. Симонович-Никшич?”, мне ответили: “Надо уточнить. У нас там в основном деятели культуры, а он сам был ходячей культурой”.

Если, как принято говорить, “в каждой шутке есть доля правды”, то в этой шутке доля правды составляет все 100%. Ибо культура (в отличие от искусства, которое искусственно) по определению выстраивается на фундаменте культа. А уж по поводу хождения — вряд ли есть в России хоть одна тропа, по которой не прошёл бы Донатович Крестным ходом...

Леонид Донатович СИМОНОВИЧ-НИКШИЧ (30.05.1946 — 19.03.2022), потомок древнего сербского рода, был главой Союза православных братств, членом руководства Союза русского народа, Союза “Христианское возрождение”, Общества русско-сербской дружбы и многих других организаций. Но самым главным и самым известным его дитищем, его образом жизни и её смыслом, конечно же, стал Союз православных хоругвеносцев. Само это название сделало нас нарицательным: паролем, отличающим своих от чужих. Для наших — казалось бы, бессмысленным в реалиях современного социума эталонном веры Христовой, а для отребья — предметом для иронии, стёба, троллинга, хамства и чернухи, обычным набором либерастической травли оппонентов.

ХОРУГВЕНОСЦЫ всегда дистанцировались от политики, точнее, от того, что сейчас на западный манер принято считать политикой. Они не желали и не желают быть использованы какими-то силами и втянуты в бесполовую межпартийную грязь. Однако в критических ситуациях хоругвеносцы всегда оказывались на правильной стороне баррикад, потому что их кредо — никогда не идти против Бога, русской государственности и русского народа. А это значит, что вырожденческий либерализм неприемлем ни в каком его проявлении, следовательно, всё то, что не является либеральным, всё лучше оно. И думается, что настоящей политической заняти-то как раз они, хоругвеносцы. Именно такой она и должна быть: исполненная молитв, знамений и пророчеств; политика мироточивых икон, священных мест, где даже природа является частью богослужения; политика светлых и добрых людей. Настоящая небополютика, памятью слова митрополита Иоанна (Снычёва): “Россия — есть Небо земное”, где единственным приемлемой идеологией является богоразумие.

А “нарратологи” строили предположения. Чьих он? На кого работает? Какая у него корысть? Какие амбиции? Не найдя ответа, они, по принятому ныне у “аналитиков” правилу, просто выдумывали ответы на эти вопросы. Закон бритвы Оккама гласит, что самое простое объяснение и является самым правильным. Простое, понимаете? Сиречь элементарное, банальное, тривиальное, азбучное. Но почему-то современный человек под “простым” обязательно понимает грязь. Ведь бритва Оккама — лишь инструмент, и, как с любым инструментом, важно, в чьих руках он находится. И ответы очевидны: Донатович — Божий, а корысть его в том, что он собирает богатство своё на Небесах, “где ни моль, ни ржа не истребают и где воры не подкапывают и не крадут” (Мф. 6:20).

Да. Представьте себе. Такое возможно и в XXI веке от Рождества Христова.

И амбиции Донатовича гораздо шире, чем вы можете себе нафантазировать. Его амбиции — единение всех народов нашей огромной страны в одно великое, соборное братство, в котором, как сформулировал однажды А.А. Проханов, “человек человеку бог”. А тогда и Христос снизойдёт и поселится среди нас.

Важно, что в полемике с иными “монархистами”, призывающими нас к покаянию в царевубийстве, Симонович-Никшич всегда твёрдо отстаивал позицию: русскому народу каяться не в чем, наш народ царя не убивал, нет на русских такого греха. А вот настоящие царевубийцы должны ответить за содеянное. Но кому под силу наказывать виновных, как, когда, при каких обстоятельствах может свершиться это праведное возмездие, без которого все мечты об обществе справедливости так и останутся мечтами? В одном из своих стихотворений Леонид Донатович (для многих весьма неожиданно) сообщает, с какого события всё начнётся: “Скоро встанет из гроба Сталин”.

Это метафора. И подлинные царисты — державники и исповедники — понимая это согласно кивают, услышав подобный вердикт, а эстетствующие мальчишечки-девички, книжные начётчики и фарисеи от монархизма — на стороне нервно хрустят известными булками.

КОГДА СОБИРАЮТСЯ вместе православные, из числа тех, что пришли ко Христу задолго “до того, как это стало модным”, они обязательно упомянут добрым словом “всёя Руси Хоругвеносца” (так в “Завтра” было озаглавлено сообщение “о его кончине”). И обязательно кто-нибудь в сердцах скажет: “Донатич, моли Бога о нас!” Ведь ни у кого не возникает и тени сомнения, где сейчас пребывает его бессмертная душа.

Всёобщее так и почитают местночтимых святых. Но сам Леонид Донатович с такой своей характеристикой вряд ли согласился бы. Он бы усмехнулся (а он умел абсолютно серьёзно усмехаться), махнул бы рукой (его жестикация невыразимым образом соединяла в себе мягкость и жесткость и всегда напоминала направленное воевое крестное знамение, одновременно и указующее, и, словно оберег, защищающее), сказал бы: “Сейчас “святые”, это, вон — Грета Тунберг...” — и встал бы под иконы, земными поклонами смирать гордыню.

Он был рождён русской культурой, он был живой русской культурой, он ушёл в русскую культуру. И в самый критический миг, в самый страшный момент уготованного нам грядущего поднятия им хоругвь явит нам спасительный ориентир.

Михаил МОИСЕЕВ